

Небольшое вступление

Однажды в самом конце прошлого века на очередном заседании нашей кафедры Шеф рассказал об *очень странном* предложении, которое мы получили: поучаствовать в создании будущих тестов для будущего ЕГЭ по литературе. Мы тогда, всласть посостязавшись в остроумии, отказались наотрез.

Ну в самом деле, как можно уложить в прокрустово ложе *теста* безграничность смысла «Евгения Онегина»? Получится что-то вроде нижеследующего:

Как звали героиню романа? И варианты ответа:

1. *Татьяна.*
2. *Ефросинья.*
3. *Мадлен.*

Или нет-нет, еще лучше. *Из какого оружия Онегин убил Ленского?* Варианты ответа:

1. *Из пулемета.*
2. *Из пистолета.*
3. *Из снайперской винтовки.*

Но мы и предположить тогда не могли, что через какие-нибудь десять лет эти воображаемые *ужасы*, вызывающие в то далекое время только смех (потому что *этого просто не может быть никогда*), сначала станут ужасами вполне реальными, привычными, а потом и вовсе перестанут удивлять, как давно перестало удивлять изучение *краткого содержания* любого хрестоматийного некогда текста мировой классики.

Двадцать лет спустя

Урок литературы в седьмом классе гимназии. Долго рассказываю о том, почему нужно прочитать комедию Фонвизина «*Недоросль*», причем прочитать *в подлиннике* (текст комедии приводится в нашем учебнике со значительными сокращениями).

После продолжительной паузы класса получаю ответ от мальчика Жени:

— Да зачем усложнять-то книгами себе все. Я вот собираюсь просто жить.

— А как же поиск смысла жизни? Твои ответы на вечные вопросы, которые много тысяч лет задает себе человечество (иронии он не замечает).

— Да зачем??? Я и так все знаю.

— Ну хорошо, а на тестовые вопросы как ты будешь отвечать?

— А я их угадаю. Мне везет.

Verbum sat sapienti.

Довольно большое, но необходимое вступление

Изучение художественной литературы в рамках школьной программы представляется сейчас невероятно сложным процессом. Можно сказать, почти невозможным. Главной причиной по-прежнему остается нежелание **детей иметь дело с книгой**, читать зафиксированный на бумаге, созданный кем-то текст (конечно, *не везде*, конечно, к счастью, *не всех детей*, но тенденция, тенденция-то очевидна!). *Язык художественного текста* слишком разительно отличается от языка *комиксов, комментариев, статусов и смс-сообщений*, к которому привыкли школьники, не похож он и на язык, который используют персонажи популярных сериалов, участники *реалити, поп и ток-шоу* (прошу прощения за вынужденное использование слов, выходящих за рамки *классического русского литературного языка*). *Язык книги* слишком длинен, сложен и непонятен, а смысл *напрягаться*, чтобы понять, какую информацию он несет, весьма туманен.

Именно поэтому глобальной задачей учителя, начиная *с первого появления* ребенка в школе, становится пробуждение интереса к художественной литературе как особому виду искусства, стремления почерпнуть знания именно в печатном источнике — *только при этом условии можно двигаться дальше* и работать уже над навыками *профессионального чтения*, т.е. умением видеть, *как «сделан»* художественный текст, *как рождается его смысл*.

Всего несколько десятилетий назад подключение ребенка к *информационному полю планеты Земля* осуществлялось по достаточно простой, но очень эффективной схеме:

1. *Домашнее чтение взрослыми.*
2. *Обучение самостоятельному чтению.*
3. *Запись в библиотеку.*

Второй и третий этап могли совпадать еще с *дошкольным периодом* или — тут уж обязательно! — с *первым классом (периодом букваря)*. Все эти пункты предварительного обучения предполагали приобщение ребенка к *классике* мировой детской литературы, не только создавая необходимую интеллектуально-культурную базу для последующего школьного чтения, но и формируя внутреннюю потребность в углублении полученных знаний. *Чтение в рамках школьной программы*, таким образом, уже было мотивировано и подготовлено.

Затем вполне естественным было приобщение к *вершинным* произведениям мировой классики и книгам *по интересам*, далее — в зависимости от внутренних культурных потребностей и выбранной профессии — *список литературы* специальной, научной и художественной мог корректироваться, но никоим образом не отменялся. Книга действительно становилась *источником знаний*. В результате, как хорошо известно, наша страна являлась (в том числе и по признанию *мирового сообщества*) не только *самой читающей*, но и *самой интеллектуальной* страной мира.

В настоящее время практически прекратил свое существование первый и самый важный этап «подключения» — *домашнее чтение*. Телевидение и *полная компьютеризация* всей страны привели к тому, что **родители перестали читать детям книги**. Малыш, как правило, самостоятельно смотрит *мультки* «по компьютеру» или «в телефоне», а также слушает *аудиозаписи* сказок, стихов, рассказов. При этом с самого раннего детства у него формируется уверенность, что кнопки нажимать гораздо легче, чем учить буквы и складывать из них слова, да и картинки нагляднее, ярче, вот они, прямо сразу: *кнопка — картинка, кнопка — картинка*, а книжные образы нужно еще представить, над ними нужно еще подумать, они же только в *воображении*.

Добавьте сюда еще одно обстоятельство: посещение *исторических музеев, картинных галерей, филармонии...* Все это тоже перестает быть традицией в общении родителей с детьми. А ведь *эстетический шок*, переживание *чуда искусства* важно испытать именно в раннем детстве. Картина, музыкальная пьеса — это тоже тексты, только *для созерцания* или *слуха*. Их *тоже* нужно *учиться воспринимать*.

Позволю себе одно воспоминание. Особое восприятие картины открылось мне в Эрмитаже. Мне было четыре года, и я абсолютно ничего не знала ни об Эрмитаже, ни об импрессионизме, да и вообще мало о чем я тогда знала. Тем сильнее было впечатление. В зале импрессионистов я никак не могла отойти от одной картины (впоследствии оказалось, что это был «Мост Ватерлоо» Клода Моне).

Вблизи глаз не различал практически ничего, кроме грубых мазков краски. Но по мере отдаления — медленно-медленно отступать назад, чтобы не пропустить! — начинало проявляться небо, потом вода, трубы вдалеке — и наконец сам Мост как зыбкая граница между Водой и Небом... Эта внезапность озарения с тех пор стала знаком КОНТАКТА меня — зрителя — и Художника. Знаком того, что я ПОНИМАЮ!

Получается, что и творческие способности своих детей мы с самого детства замораживаем, не даем им проявиться *в нужное время*, а получится ли *потом*? или наши дети так и останутся эстетически неразвиты? Далее лакуны свободного времени закономерно заполняют компьютерные или телефонные игры, общение в социальных сетях. Таким образом, *мотивация* к чтению (шире — к контакту с произведениями искусства) при поступлении в школу у многих детей **уже** полностью отсутствует, они едва умеют (не умеют вовсе) и не хотят читать, не понимают языка живописи, им *скучно* слушать классическую музыку. Учитывая, что Интернет создает *иллюзию реальности*, со своим

языком, системой ценностей (если их вообще можно так назвать), со своей системой упрощенных, а иногда и просто ложных знаний, которые легко менять и *подменять*, остается предположить, что истинный опыт многих поколений, достижения человеческой мысли, запечатленные в книгах, вскоре будут просто утеряны.

Впрочем, этот процесс начался не сегодня и не в конце прошлого века, а примерно сто лет назад, когда вместе с иконами горели *книги*, и это общероссийское пожарище знаменовало собой конец единой русской культуры.

«Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: «Нравится?» «Хорошо», — сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли» (В. Маяковский. «Умер Блок»).

Еще можно вспомнить, с чего начиналось правление *Гитлера* в Германии: с огромных костров, напоминающих средневековые *аутодафе*, в них тоже бросали *книги*...

Есть у этой проблемы еще одна, *эстетическая*, сторона. Неумение современных школьников *читать* выражается не только в отсутствии навыков собственно чтения, в его технике или скорости. Этот пробел довольно быстро можно восполнить, и он легко восполняется в процессе школьного обучения. Гораздо более серьезной, на мой взгляд, является проблема *инфантильности* нового поколения читателей, его неспособности чувствовать и в принципе воспринимать *эстетическую природу художественного слова*. А когда-то традиционное, хочется сказать, ритуальное, «вечернее» чтение создавало особый *образ* книги, особое отношение к ней, к ее языку, отличному от привычного — разговорного, «дневного». Это ощущение подтверждалось далее в процессе «школьного» чтения.

Подведем небольшой итог. *Гаджеты* (прошу прощения!) постепенно вытеснили из сознания ребенка не только *устное родительское слово*, но и слово *книжное*. Успешно было создано и создается на наших глазах еще одно поколение, оторванное от книги, т.е. от национально-культурных корней, поколение, которым легко (при помощи тех же *гаджетов*) манипулировать, ибо **кто** отвечает за истинность интернет-информации? **кто** даст гарантии, что там — *в Сети* — не происходит постоянной подмены этой информации — согласно чьим-то очень далеко идущим планам?

Что ж, будем верить в то, что рукописи *не горят*, а что *написано пером* — *того не вырубишь топором...*

В настоящее время обучение языку художественной литературы оказывается более сложным, чем обучение языку иностранному. Язык художественной литературы воспринимается как непонятный, нарочито усложненный, а единицы этого языка — *тропы и фигуры* — как препятствие к постижению смысла текста. «*Все слова по отдельности понимаю, а общий смысл — нет*» — думаю, многие из преподавателей литературы сталкивались с подобными заявлениями учеников. Мы стоим сейчас на пороге действительно *страшной* реальности: наши дети **перестают понимать** язык Пушкина, Тургенева, Блока, Бунина... Это, увы, не их язык:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.*

*Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке...*

Так что учителю словесности в современной школе придется выполнять неимоверно, гигантски сложную, двойную за-

дачу: не просто пробуждать, а чаще *создавать*, читателя, но и учить его *правильно* читать, корректно и бережно общаться с художественным текстом (как тут не вспомнить бесконечные попытки мастера Джеппетто и Феи с лазурными волосами превратить деревянную куклу в живого мальчика — *Карло Коллоди «Приключения Пиноккио»*).

Пробуждение и воспитание читателя требует постоянной актуализации множества дополнительных знаний, подключения множества ассоциативных связей, потому что чем *глубже* текст, тем таких «*мерцаний*» смысла больше.

Разрушение советской *академической* системы образования привело к тому, что, начиная с печально известных 90-х годов, постсоветский человек утратил не только целостную картину мира, но и знание фундаментальных основ отдельных наук, *знание* как таковое. Доминирующим в настоящее время стало **клипово-тестовое, прогугленное мышление** с «*Википедией*» как истиной в последней инстанции (а что будет, если исчезнет Интернет? неужели в библиотеку идти? и что там делать? кнопки-то там где?), мышление, в котором практически нет ассоциаций, *связей, «сопряжений далековатых идей»*, составляющих самую суть интеллекта, потому что и связывать в общем-то особенно нечего. Получается, что учителю словесности приходится взваливать на себя еще и этот *общеобразовательный и психологический* груз: насыщать знаниями и учить устанавливать связи между фактами. Урок литературы неизбежно превращается в комбинированный, не просто привлекая произведения других *видов искусства* (музыки или живописи, архитектуры или скульптуры), как это было прежде, а погружаясь в *основы* географии, истории, философии и даже нередко естественных и точных наук, чего прежде не было и быть не могло.

Так, чтение совсем небольшого стихотворения *Михаила Ломоносова*, а именно «*Стихов, сочинённых на дороге в Петергоф, когда я в 1761 г. ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же*» (длинное заглавие

здесь принципиально важно — это заглавие **авторское**, самим автором данное, здесь важно *каждое его слово*, а *соединение текста стихотворения с заглавием* является важнейшим смыслообразующим фактором, поэтому не стóит в целях экономии печатных средств или мыслительных усилий школьников заменять его на «Кузнечик»):

*Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своём дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому. —*

потребуется *знакомства* (увы, часто это именно так) с эпохой *Петра I* и его реформ, с историей России середины XVIII в., потребуется важного *биографического* отступления: рассказа о феномене Ломоносова, об уникальности его личности (сравнение с *Леонардо да Винчи* добавит в беседу еще одну ассоциацию), о фундаментальных открытиях Ломоносова-ученого в области физики и химии, о коренном преобразовании русского стихосложения, о творчестве Ломоносова — художника и поэта, о его активной гражданской позиции. Уровень беседы в разных классах, конечно, будет разным, он будет определяться многими и многими конкретными обстоятельствами, но эта разноуровневость подготовки аудитории (во многих случаях она крайне низка!) ни в коей мере не должна отменять главной интенции урока: *дать представление о XVIII в. и о человеке того времени.*

Только в этом случае смысл маленького стихотворения о небольшом насекомом будет понят, потому что ключ к личности Ломоносова, его образу жизни, избранной им в данной

исторической ситуации *модели поведения* будет подобран, а вывод Пушкина о том, что Ломоносов «сам был нашим первым университетом», будет прочувствованным и закономерным. Только тогда он не превратится в очередную *пустую фразу-цитату* (мыльный пузырь), коллекция которых (*флэш-моб* мыльных пузырей — снова прошу прощения!) заменяет нередко в современной школе *знание* подлинное. Экзамен *по устной речи* вряд ли станет проверкой **качества знаний**, говорить *красиво* и *красивые вещи* можно научить и попугая, а вот осознанная, взвешенная речь, где каждое слово значимо, не будет нуждаться в специальной проверке, такая речь станет естественным выражением интеллекта, ибо *кто ясно мыслит, тот ясно излагает*.

Анализ художественного произведения в современной школе становится, таким образом, закономерным элементом общей *культурологической программы*, с которой теперь должен приходиться в аудиторию учитель словесности. С одной стороны, он, напоминая, просвещает реципиента, расширяя его историко-культурный горизонт. С другой — формирует грамотного читателя, способного адекватно воспринимать язык художественного произведения.

В одном из учебников по литературе для пятого класса находим стихотворение *Вильгельма Кюхельбекера «Бурное море при ясном небе»*:

*Дикий Нептун роптал, кипел и в волнах рассыпался,
А с золотой высоты, поздней зарей освещен,
Радостный Зевс улыбался ему, улыбался вселенной:
Так, безмятежный, глядит вечный закон на мятеж
Шумных страстей; так смотрит мудрец
на ничтожное буйство:
Сила с начала веков в грозном величье тиха.*

О чем это стихотворение? Согласитесь, что без предварительной достаточно долгой и всесторонней беседы смысл его

для пятиклассников (да вероятно, и не только для пятиклассников) будет закрыт. Начинаем издалека: с реконструкции *эллинистической картины мира*, в том числе таких важных эстетических ее категорий, как *Прекрасное, Гармония*. Упрощенное школьное сознание (*счастливые исключения, конечно, есть!*) с неразвитым эстетическим вкусом (*конечно, и здесь есть многочисленные исключения*) выделяет сначала, как правило, лишь пикантные подробности иллюстраций учебника, а также образа жизни обитателей Олимпа: привычные для интернет-потребителя нарушения традиционных моральных норм или, напротив, соответствие нормам вновь появившимся.

Здесь *очень важно сразу поднять планку* разговора: репродукции картин, архитектурных памятников, рассказы учителя о великих философах, математиках, поэтах (история Древнего мира оказывает неоценимую помощь в этом процессе, было бы прекрасно провести *общие* уроки!) — все это должно хотя бы в определенной степени воссоздать в сознании школьников *космическую*, гармонично-упорядоченную и жестко структурированную *мифологическую* картину мира древнего грека. Эта — вступительная — часть беседы является, на мой взгляд, главной, основополагающей. Детям важно понять, что ***мифы*** — это отнюдь не занимательные сказки о богах, а воплощение ***совершенно особой картины мира***, особого восприятия мира; ученик должен на какое-то время почувствовать себя эллином — *частью живого, одушевленного, одухотворенного бытия*.

Еще одно крошечное отступление. После разговора о том, что весь мир для грека живой, что даже в обычной, повседневной жизни его окружают наяды, дриады, нимфы, что рядом с человеком всегда находятся боги, внезапно я задала вопрос: «Как вы думаете, после пикника в лесу мог ли древний грек оставить там мусор?» Дети в ужасе: «Конечно, нет,

это ведь оскорбит богов, оскорбит природу!» Далее прямо в лоб: «Тогда почему мы сейчас это делаем, почему считаем абсолютно нормальным бросать везде мусор?» Длительная пауза. На следующий день две сестры-близняшки рассказывали на перемене своим одноклассникам о том, что они убрали весь мусор на детской площадке и «наругали» мальчишку, который бросил обертку от шоколадного батончика.

Конкретному анализу стихотворения может предшествовать построение в тетрадах *космогонической модели древнегреческого сознания* — от Хаоса до богов, населяющих Олимп. *Особенно важной для анализа окажется трехуровневая структура бытия* — Небо и Земля (Зевс), Вода (Посейдон), Подземный мир (Аид) при верховной власти Зевса.

После первого (пусть неудачного, спотыкающегося, так и должно быть!) чтения стихотворения обязательно останавливаемся и говорим об особом стихотворном размере — *гекзаметре*, о *цезуре* — паузе, которая разбивает каждый стих на два полустишия. Читаем снова, может быть, не один раз, стараясь услышать *неторопливую речь древнего грека*, воссозданную автором. Можно попробовать провести конкурс.

*Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.*

(А. Пушкин. «На перевод Илиады»)

А теперь самое время подготовить почву для профессионального чтения — для анализа. Лучше, если это будет таблица, содержанием которой станут цитаты, относящиеся к каждому персонажу стихотворения (здесь, в свою очередь, будет уместно поговорить о *цитате*, ввести ее понятие, а также закрепить правила ее графического оформления). Это *азы профессионального чтения*; не нужно торопиться, все нужно прочувствовать. Итак:

Нептун	Зевс
«дикий»	«с золотой высоты»
«роптал»	«радостный»
«кипел»	«улыбался»
«в волнах рассыпался»	«безмятежный»
«мятеж шумных страстей»	«вечный закон»
«ничтожное буйство»	«мудрец», «сила», «в грозном величье тиха»

Очевидно, что автор сталкивает в своем стихотворении два противоположных начала (вспоминаем, как называется этот художественный прием; если сведений нет — вводим понятие *антитезы*). *Нептун* (Посейдон) — здесь вечный бунтарь и мятежник. Он становится воплощением *Хаоса*, из которого некогда возник Мир. Отсюда деструктивные глаголы, характеризующие его образ. *Зевс*, напротив, явлен в *золотом* сиянии (можно попробовать поговорить о цветообозначении в искусстве, о *символике цвета* — уровень и объем разговора зависит от степени подготовленности аудитории). Именно он воплощает в стихотворении *Космос*, *упорядоченность*, *структурированность* бытия. Для сознания *элина*, которое разделяет в стихотворении автор (кстати, в ущерб собственному *будущему* мироощущению: через пять лет он пополнит ряды *мятежников* на Сенатской площади), оценочные акценты очевидны. Зевс олицетворяет *вечный закон*, жестко организующий мир, не дающий ему распасться, Нептун — *ничтожное буйство*.

В заключительной части анализа закономерно ввести в активный теоретико-литературный запас понятие *аллегории*. Вернее, вспомнить жанр *басни*, известный аудитории из начальной школы, жанр, строящийся на аллегии, а затем актуализировать это понятие применительно к стихотворению *Кюхельбекера*. Образы *Нептуна* и *Зевса* тоже можно интерпретировать как

аллегоричные — это *Хаос* и *Космос*. Смысл же стихотворения в этом случае будет связан с утверждением незыблемости *Космоса*. Еще раз перечитаем стихотворение — оно прозвучит теперь совершенно иначе.

«Количество часов, предусмотренных на изучение каждой темы, не позволит столь подробно говорить о каждом произведении», — скажут непосредственные участники учебного процесса — и будут абсолютно правы. Количество часов, выделяемых на изучение художественной литературы действительно стремительно уменьшается. Но, если изначально осознать, прочувствовать необходимость и важность нашей миссии, изначально поставить перед собой цель научить школьника читать, способы найдутся. Лучшим из них, наверное, станет разработка индивидуальных программ по курсу литературы, согласованных с руководством школы, программ совместных историко-литературных уроков, литературно-географических уроков, литературно-музыкальных... возможно, позже на их основе будет проведена работа над принципиально новым типом учебника по литературе, над принципиально новой программой ее изучения.

Формирование интеллекта, т.е. создание ассоциативных рядов фактов из различных сфер человеческой деятельности, соединяется на уроках словесности и с еще одной не менее сложной задачей — создать образ литературы *как процесса*, движения, смены творческих вех, взаимного притяжения и отталкивания художников на пути творческого освоения ими реальности. Литература — это не череда застывших фигур, портретов на стене, а бесконечный *полилог*, в котором каждый автор делится своими открытиями в постижении смысла бытия, и делает это по-своему, не повторяя других, но обязательно вбирая опыт своих предшественников.

В этом смысле уникальным для нашей культуры оказывается феномен *Пушкина* — семантического центра русской литературы, точки отсчета, притяжения и отталкивания при самоопределении каждого русского художника слова. Остановимся здесь ненадолго.

«Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин покупать будет?».

Булгаков, как всегда, предельно точен. Уже давно имя Пушкина заменило (подменило) в массовом сознании его произведения. Фраза «*Пушкин — наше все*» стала хрестоматийным, «затертым», набившим оскомину, доведенным до абсурда ответом-клише на вопрос о роли Пушкина в отечественной культуре. Однако истинное понимание значения и роли Пушкина *сейчас становится актуальным, как никогда.*

Пушкина пытались убить много раз. Реальный убийца Пушкина *Дантес* был при этом убийцей самым примитивным — он убил Пушкина-человека, но ничего не смог поделать с Поэтом, Творцом, Мастером, напротив: «*Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...*» (*М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»*).

Футуристы во главе с *Крученых* и *Маяковским* попытались «сбросить» безнадежно «устаревшего» *Пушкина* вместе с *Достоевским* и *Толстым* «с парохода современности», оставшись на нем в гордом творческом одиночестве. Однако ни напевно-непонятные строки *Хлебникова*:

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй — пелся облик,*

ни нарочито бунтарско-грубые стихи *Давида Бурлюка*:

*Электрзеркалоресторан
Продажночеляди улыбкажабы
Бабукцион различных стран
Ширафы бегемоты крабы —*

вытеснить самые простые пушкинские: «*Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...*» почему-то не смогли. Напротив, сами как-то очень быстро забылись, ушли, уплыли со своим временем вместе с эпатажной *желтой кофтой Маяковского* и теперь воспринимаются лишь как историко-литературный факт, не более того. А пушкинские строчки остались.

Чуть позже, как и в случае с Маяковским, едва не произошла подмена: *бронзовым, официально-официозным Пушкиным-борцом-с-самодержавием* «стоящие у трона» попытались заменить неудобного, слишком разного, слишком живого, ни в какие рамки не укладывающегося, бунтующего поэта (сейчас, напротив, все чаще говорят и пишут о Пушкине, *сотрудничающим с властью*, пошедшим с ней на *компромисс*, — и то и другое в равной степени «выпрямляет», а в целом искажает поведение поэта, его самоощущение в социальном мире):

*Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...*

Пушкин выдержал и эту проверку. Невзирая на решения, принятые *очередным съездом*, он, со всеми своими «человеческими» противоречиями, сопровождал нас всю жизнь. *Сказки*, прочитанные нам, а потом и нами, сменялись *стихотворениями*, *поэмами*, потом приходили *повести*, еще потом открывали безграничное море вопросов и ответов «*Евгений Онегин*», «*Капитанская дочка*», «*Маленькие трагедии*»:

*И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.*
(А. Ахматова)

Пушкин словно рос вместе с нами, вырослел вместе с нами — или мы вместе с ним? Почему это происходило? Сам поэт вполне отдавал себе в этом отчет:

*...в мой жестокий век восславил я свободу
и милость к падшим призывал.*

В *жестокий, железный век*, в *ужасный век с ужасными сердцами* (а когда **цивилизированное человеческое время** было иным?) он искал путь к свободе в творчестве, к свободе в жизни, а когда не получилось в жизни — предпочел *смерть* (а не компромисс или сотрудничество!) «неволедушных городов». В творчестве же, подобно Орфею, гармонией своих стихов он пробуждал в человеке лучшие — *добрые* — чувства, даже в *падшем* уже человеке.

Наше время становится свидетелем самого страшного убийства Пушкина — убийства *Автора*. Как остановить, как отменить этот процесс? Ведь если «Пушкин — наше все» — вместе с ним «все» и уйдет, канет в небытие... Остановимся еще ненадолго.

Пушкин совершил в русской культуре переворот, равный по своему значению реформам Петра I. Благодаря его творчеству русский литературный язык приобрел ту форму, которую мы используем и до сего времени. Да, именно так, **мы и сейчас говорим на языке Пушкина**. Правда, тут с горечью приходится констатировать: увы, почти не говорим. Телевидение, радиовещание, печатные СМИ, театр и даже... даже учебные заведения перестают быть *непререкаемым* авторитетом в сфере культуры речи, авторитетом, к которому можно было бы апеллировать. Носителей русского языка в его «очищенном» варианте остается в нашей стране все меньше, но пока они есть, повторю с гордостью: **мы и сейчас говорим на языке Пушкина**.

Ломоносов, Карамзин, Державин лишь начинают формирование русского литературного языка. В художественном творчестве и письмах Пушкина он (глубокий и вместе с тем изящный, легкий, гармоничный) находит свое *воплощение*, естественно, потом корректируемое временем, хотя не всегда в лучшую сторону. Давайте просто послушаем, *как красиво* звучит русская речь:

«Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну барин, — закричал ямщик — беда: буран!»

А ведь прав был Белинский, когда писал о том, что, просто *«читая Пушкина»*, можно *«воспитать в себе человека»!* Просто растворяясь в гармонии пушкинского языка...

Русский стих в творчестве Пушкина перестает быть неуклюжим, тяжеловесным. Летящие, кружевные, удивительно гармоничные пушкинские ямбы, тревожные, мятущиеся хорей становятся классическими *образцами* основных стихотворных

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru